

«...Больше ваших книг я читать не буду. Потому что такую вещь вы уже никогда не напишете. Лучше такой книги написать невозможно. Так что, извините...»
Что чувствует автор, слыша такие слова читателя о своей работе? Именно то, что чувствовал Анатолий Гладилин на встрече с публикой, где обсуждают его «Хронику времен Виктора Подгурского». То есть – счастье.

Шестьдесят пять лет назад – в девятом номере «Юности» за 1956 год – выходит эта повесть. И «взрывает литературную гладь». А с ней – представления о том, *о чем* и, главное, *как* теперь можно писать. «Хронику» считают первым текстом волны 60-х и образцом исповедальной прозы. О том, как родился этот знаковый текст, знаменующий рождение нового советского литературного поколения и сделавший автора одним из его ярких лидеров, – в главе новой книги Дмитрия Петрова «Соло для судьбы с оркестром» – биографии Анатолия Гладилина. Журнальная версия. Публикуется впервые.

1.

«Ветки деревьев отчаянно заметались, спасаясь от крутых порывов ветра, но постепенно шум листвы был заглушен нарастающим гулом падающей воды, который заполнил всю улицу...»

Так оно было на Тверском бульваре, куда юный студент Литинститута Толя Гладилин вышел после семинара, где его признали бездарью и предложили отчислить.

Так оно и есть во втором абзаце его повести «Хроника времен Виктора Подгурского».

Повесть эта меняет Толину жизнь. Но не только. Она меняет литературу. Перемену, как это нередко бывает, не все замечают сразу. Но люди чуткие чувствуют ее уже после десятка прочитанных страниц.

«Он взорвал литературную гладь, – рассказывает мне у себя на даче в Павловской слободе хорошо знавший Гладилина прозаик Александр Кабаков. – Я отлично помню, как открыл тот номер “Юности”. Увидел фото писаного красавца с чубом. И стал читать очень странный текст, наполненный странным гриновским ароматом и увенчанный странным названием. Все в нем было странно нам тогдашним. И прежде всего – твердое и внятное сообщение: писать можно и так тоже. Не как Федин и Фадеев, не как записные авторы “Молодой гвардии”, не как журналисты-завсегдатаи очередных великих стро-

ек коммунизма, а как этот парень, рассказывающий свою человеческую историю. Не фрондерскую. Не рискованную. А – *человеческую*.

Что удивило? Мы ждали таких историй. И вот одна из них появилась в “Юности”.

Я ее прочел в один присест. Она ведь короткая. И сразу начал снова. И вдруг понял: автор – то лишь чуть-чуть, может, на пару лет старше меня*. Но он – звезда. Настоящая. непохожая ни на какую. Гладилин – отдельный.

Для нас, мальчишек и девчонок следующего поколения, это сигнал: как тогда говорили в марьино-рощинских и сокольнических дворах: не бэ, ребята! Не бэ! Прорвемся!

При всей нарочитой интеллигентности описанной им среды, как бы отдельно живущей от тогдашней Москвы. А о Москве там сказано так, что, закрыв журнал, я несколько раз повторил про себя: да-да-да, значит, и вот так можно писать – *как хочется*...

Это “как хочется”, а не “как положено” – звучало небывало. Ведь нас учили, что говорят – *так*, а пишут – *эдак*. Одинаково – нельзя. А Гладилин показал, что можно.

* Гладилин родился в 1935-м, а Кабаков – в 1943 году. То есть разница в возрасте у них – восемь лет. Но, видимо, прочитанное было так близко литературному юноше, что автор показался ему почти ровесником.

дописать повесть. Понимает ли он – про что именно? И почему – так? И зачем именно этот язык – язык дома, двора, школы, улицы? Ему понадобятся годы и опыт, чтобы отрефлексировать и описать то свое состояние и настроение – подспудное желание поведать, как на самом деле живут стремительно взрослеющие подростки, окончившие школу, ищущие любовь и желающие стать собой. В его голове не великие стройки, не броские лозунги и не геройские клятвы. Ему омерзительны лживые образы счастливых сверстников, идущих с песней из киножурнала в художественный фильм. Глядя на них, он хочет стрелять в экран из пулемета. Ему кажется, напишет он после, что, конечно, не в людей стрелять, а в экран. Тогда он еще не знает, что разница не так уж и велика...

Но пулемета нет. А есть бумага, чернила, деревянная ручка и перо №11.

И вот – текст готов. Что с ним делать?

Маша* говорит: «Знаешь что, дай моему папе. Может, он что-нибудь посоветует».

Яков Моисеевич читает и говорит:

– Это – хорошо. Это – литература. Вы, Толя, меня удивили. Оказывается, вы можете не только портвейн с шампанским смешивать. Знаете, по моим ощущениям это может пойти. То есть именно сейчас именно такой текст могут напечатать. Его надо немедленно нести...

– Куда?

– К Катаеву. В «Юность», конечно.

И впрямь, куда ж еще? Ведь это «Юность» поднимает самумы и торнадо в молодой читательской среде. Это в «Юности», как много лет спустя заметит Ирина Каспэ, юные и не очень авторы вновь и вновь ставят вопрос о смысле жизни вот прямо здесь и сейчас, который так важен для Гладиллина.

Редакция близко. Сперва по переулку, потом по Гоголевскому до Арбатской площади. Там – налево. Дальше – по улице Воровского**. И вы там.

Так «Хроника» попадает в отдел прозы к Мэри Озеровой. И она ее читает. А не кладет под стопку рукописей, как порой поступали в журналах с текстами двадцатилетних авторов, – Гладиллину как раз двадцать. Читает и говорит: «Наверное, будем печатать, но надо, конечно, работать, надо редактировать».

Тот, у кого когда-нибудь принимали рукописи, знает это счастье – заветные, сладостные слова

«наверное, будем печатать» и «надо, конечно, работать». Значат они не слишком много. Но – бесконечно больше, чем «обратитесь в другое издание».

Все, что говорил мне Гладиллин о Марии Лазаревне Озеровой – не пересказать. Лучше прочтите его «попытку мемуаров» – «Улицу генералов»***. Там ясно видна его глубокая признательность своему первому редактору, что сродни той, что он испытал к учителю, читавшему классу его хулиганское сочинение с оценкой пять с минусом.

4.

Авторское нетерпение – страшная вещь. Особенно когда речь идет о первой публикации. Да еще – целой повести. Да еще – в ведущем молодежном журнале страны.

Меж тем «Хроника», собирая отзывы, движется в «Юности» своим чередом – из отдела в отдел. Почти незримо. И неведомо куда. Толя верит, что в печать. И потому что ни день – чтоб не пропустить радостный миг – заходит в редакцию.

А там поговаривают о спецвыпуске журнала. Вроде бы поэт Валентин Берестов предложил собрать особый номер, составленный из текстов совсем молодых авторов. Туда и попадет «Хроника». И, конечно, станет «гвоздем» – надеется Толя.

Уже и до макета доходит. Но... ничего не выходит. «Наверху» говорят: «Зачем нам этот детский сад?» И «юную “Юность”» рассыпают. Но «Хроника» остается в портфеле редакции, и Озерова терпеливо ждет ее часа.

И он настает. Спустя год после получения рукописи Мэри кладет ее перед главным редактором Валентином Катаевым. И поясняет: ее прочла вся редакция, утвердили все редколлегии и все рекомендуют.

Тем временем в журнале к Толе привыкают – ну бродит тут этот парень, аккуратный, вежливый. Вроде рассказ его должен пойти или повесть... И пусть бродит, не мешает же никому. А он все спрашивает: какие новости? И не зря! Потому что Мэри однажды говорит: «Повесть прочла дочь Катаева Женя и сказала: “Папа, это надо печатать, это гениальная вещь”. Теперь Катаев будет читать».

Тут важно пометить: в семье Валентина Петровича все устроено не как у мистера Твистера, где «все чего требует дочка, должно быть исполнено – точка». У Катаевых – хоть дочка требует, хоть жена – никаких точек. Одни многоточия...

* Мария Яковлевна Тайц – жена Анатолия Гладиллина, дочь писателя Якова Тайца.

** Так с 1923 по 1993 год называлась Поварская улица.

*** Вагриус, 2008.

от даже сказать – зал бьет в ладоши. Уж насколько Толя бойкий, даже самоуверенный, но такой прием смутит любого. Смутил и его. Сейчас бы сказали – чувак поплыл. Каждый, кто переживал успех, понимает, о чем я.

Он выходит не сразу. Но выходит. И овация продолжается. В ответ на каждую его фразу – аплодисменты и приветственные клики.

Дальше – больше. Новые приглашения. Бурный прием. Горящие глаза. Разговоры в курилках, девочки – невзначай прижимаются кто бедром, кто грудью. Машут ресницами: Толя, вы такой обаятельный.

А он и впрямь – парень хоть куда. Нет еще знаменитой челки, есть залихватский кудрявый чуб. И огромная, неукротимая радость: я – писатель! – управляющая поведением и подсказывающая слова.

Внезапно он обнаруживает – ему нравится выступать. И еще примерно с год он с удовольствием ходит на такие встречи, отрабатывает слог, учится угадывать настроение и реакцию зала. А ее поди – угадай.

Ведь как бывает: все идет как идет, и тут откуда ни возьмись – насупленный, вихрастый, серьезный молодой человек. Ты думаешь: вот он – верный читатель моих будущих книг, умный, надежный поклонник. А он: «Знаете что? Обидно, но я больше ваших книг читать не буду, потому что такую вещь, как “Хроника”, вы уже никогда не напишете. Лучше такой книги написать невозможно. Так что, извините...»

Это – что? Это – вызов.

То есть новый автор является публике, а автору – новый читатель. Он неожидан и востер. Со своим мнением. Он ходит на встречи, звонит, пишет письма. А автор их читает и на многие отвечает. И кладет в большой мешок. Видит в них реликвии – знаки успеха. И хранит долго – до середины 70-х... До начала следующей жизни.

А пока на вызов надо отвечать. И ответить можно только новым текстом.

Его нужно писать. Пока первый еще гремит.

6.

Здесь уместна старая добрая англо-американская идиома: *if you were in my shoes* – «если бы ты был на моем месте» или дословно: «если бы ты был в моих ботинках». Сложно сказать, везение это или нет: умудриться написать повесть так, что читатель мигом непроизвольно надевает ботинки твоего героя. Иными словами – путает, склеивает Гладиллина и Подгурского, при этом узнавая в них себя.

И соседа по парте. И приятеля с третьего этажа. И парня из секции бокса.

Образ юноши Подгурского сольется с образом его автора в восприятии не только множества разных – серьезных и романтических, глубоких и поверхностных – читателей, но и людей заведомо деловых – издателей. Вот какое письмо на солидном бланке от 24 июля 2000 года – то есть больше, чем через полвека после выхода повести, – получит Анатолий Тихонович: «...в серии “Пушкинская библиотека” подготовлен к изданию сборник рассказов и повестей “Русская проза второй половины XX века”, в который предполагается включить повесть “Хроника времен Виктора Гладиллина”. Прилагаем договор».

Это не шутка. Это письмо я держу в руках. И принимаю, где корни ореха.

Примерно тогда же на вопрос корреспондента «Известий» в Париже Юрия Коваленко: «Вам было 20 лет. “Крыша” от популярности не поехала?» Гладиллин ответит: «Как ни странно, нет. Сегодня мне жаль, что я не воспользовался как следует этой популярностью. Мне тогда говорили, что первую книгу, дескать, каждый дурак может написать, а вот попробуй сочинить следующую».

Как раз она у меня никак не шла. И вместо того, чтобы наслаждаться обществом девушек, я не спал ночи, работал... Это была “Бригантина поднимает паруса”, оказавшаяся не столь удачной. Но именно она имела наибольший официальный успех – печаталась во всех молодежных газетах, начиная с “Комсомольской правды”».

Но вернемся к беседе с Кабаковым: «Литературная гладь не так спокойна, как прежде. Является Гладиллин. В 50-х он – весь раньше других. И уже, что называется, влиятельный автор. Он формирует поколение исповедальной прозы – поколение людей, родившихся между 1930 и 1935 годами. Их имена известны. А он их лидер».

Гладиллин – странное явление в литературе. Так бывает – казалось бы, написано много, а литературную судьбу делает одна книга. А после оказывается, что эта главная книга – не лучшая. И то, что сделало твою судьбу, отнюдь не сделало твой уровень. Чем дальше, тем Гладиллин пишет энергичней. Вспомним “Дым в глаза” – отличный текст. И еще много других. Но “Хроника” перебивает все».

И впрямь, не так уж часто качество книги совпадает с ее ролью в судьбе автора. Может быть, кто-то и хотел бы, чтоб «Хроника» была лучше написана. Но как написана, так написана. Для тех

времен очень стройно. Все в ней на месте. Скажем, этот романс:

*Листья осыпятся в саду.
По привычке к вам я забреду.
И как много лет назад,
уведу вас в листопад –
в тихо осыпающийся сад.*

А вот что пишет еще один друг Гладилина, а значит, и Подгурского, – Василий Аксенов: «Передо мной в тиши Библиотеки американского Конгресса появляется не просто молодое, но почти детское, мальчишеское лицо моего старого друга. Повесть “Хроника времен Виктора Подгурского”, автору Анатолию Гладилину не исполнилось еще и двадцати одного года. Золотистые и довольно густые кудри венчают его чело. <...>

Нерадивый и легкомысленный студентик... он в одночасье стал первым знаменитейшим писателем нашего поколения. Такого в советской литературе не случалось уже несколько десятилетий, с тех пор как “золотые двадцатые” сменились “чугунными тридцатыми”.

В Литературном институте Гладилина учили тому, как не стать знаменитым писателем 1956 года. Уроки впрок не пошли, и он им стал.

Открываю наугад “Хронику времен Виктора Подгурского”. Герой-мальчик идет с героиней-девочкой по Гоголевскому бульвару. Вот лужа. Спорим, перепрыгну?

Никогда не перепрыгнешь, говорит героиня. Он перепрыгивает лужу. Она смотрит на него. Какая замечательная девушка.

Потрясенные молодые читатели смотрят друг на друга – да ведь это же мы сами, такие же, как Виктор, юные и безденежные московские бродяги, провалившиеся в институт и влюбленные. Влюбленный неудачник впервые потеснил плечом розовощеких роботов комсомольского энтузиазма...»

Так Василий Аксенов вспоминает их общую юность – то есть журнал «Юность». А вместе с ним – эпоху и среду, где, как замечает Михаил Рожанский, «подданнические отношения человека с режимом» вступают в конфликт с его «нацеленностью на социальную инициативу»*.

Тут в текст просится история этого уникального журнала, роль которого в становлении нескольких поколений советских людей, как тогда

говорили, трудно переоценить. Но об этом удивительном эксперименте написали уже столько, и в том числе его яркие участники, что мне – его многолетнему наблюдателю-читателю – добавлять свою горсть слов неловко. Скажу лишь, что через «Юность» прошли все, кого вскоре назовут шестидесятниками. Да, собственно, и назовет их так этот журнал**.

И первым из них станет Анатолий Гладилин с его «Хроникой».

7.

В одном из писем ко мне вдова писателя Мария Яковлевна объясняет: «Все, что написано в повести, было на самом деле. И полностью соответствует действительности. Вплоть до записок или писем к героине или ее рассказов об институте.

Она – это я. Конечно, у Толи могла бы быть другая девушка и другая любовь. Но тогда это была бы другая книжка.

Единственное, что он придумал, – это последнюю фразу, так как когда повесть вышла в “Юности”, он уже полтора года был счастливо женат на героине этой книги.

И ему предстояло стать большим писателем. И он им стал».

И не только писателем, а предвестником новой волны. Вскоре в московских журналах выйдут отличные рассказы Юрия Казакова, а в середине 1957-го в «Юности» – «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова. Эта повесть продолжит запущенный Гладилиным тренд прозы, которую после назовут исповедальной. Исповедь начинается в первой фразе: «Кто изобрел слово “зрелость”? Кому пришлось в голову выдавать удостоверения о зрелости наивным ребятам после школы? Как будто можно бумажкой в один день перевернуть жизнь!

Я окончил десятый класс, но никогда в жизни не чувствовал себя таким растерянным. Таким беспомощным. Щенком.

Об этом я не скажу никому. Напишу в дневнике, потому что мне трудно и страшно. Нам десять лет

** Принято считать, что первым это делает Станислав Рассадин в статье «Шестидесятники» («Юность» № 12, 1960), однако «уже в 1955-м – за пять лет и до статьи Рассадина, и до начала собственно шестидесятых – Руфь Зернова, постоянный автор рубрики “Разговор по душам”, пишет очерк, персонажи которого, старшеклассники, вдруг начинают переживать свою специфическую причастность временам Некрасова, Добролюбова и Чернышевского: “Мы тоже будем шестидесятниками! Нам в шестидесятом исполнится 20 лет, мы начнем работать и про нас потом скажут: люди шестидесятых годов”» (И. Каспэ, НЛО, 2016, № 1).

* Цитируется по статье И. Каспэ «Мы живем в эпоху осмысления жизни»: конструирование поколения “шестидесятников” в журнале “Юность”, НЛО, 2016, № 1.

говорили, что перед нами открыты все пути. И вот, оказывается, они передо мной закрыты.

Зачем было готовить нас к легкой жизни?»

О тексте Кузнецова пишет пресса. Это то, чего после «Хроники» ждут от молодой прозы. Его герой едет на стройку в Сибирь. Там ему трудно. Но все встает на свои места: герой и коллектив вершат трудовые подвиги – словом, «то, что доктор прописал».

Кузнецов жаловался Гладилину: в «Юности» его сильно редактировали – рукопись была острее. Но теперь Кузнецов звезда. Плюс – слава и деньги.

– Тебе, Толя, повезло. – часто повторяет тезка, – тебя не правили.

Травля впереди. А с «Хроникой» – да, повезло. Она вышла в сентябре 1956-го. А через два месяца – после восстания и боев в Будапеште – вряд ли ее и набрали бы. Может, через год. И, возможно, это была б его первая книга. Но он бы уже не был первым.

8.

Меж тем вторая повесть – «Бригантина поднимает паруса» – у Гладилина не идет. Но он старается – отдает ее в «Юность», несколько раз переписав. Мэри рукопись берет и тоже старается – применяет проверенную тактику – собирает положительные отзывы. Но Катаев печатать повесть не хочет. Слишком много в ней, говорит, индивидуализма.

Однако Гладилина уже знают в издательстве «Советский писатель» – хотят издать «Хронику». И он несет «Бригантину» туда. Рукопись отдают на рецензию. Ее читает Толе редактор Эльвира Мороз*, но предупреждает:

– Смотри, Толя... Это – не рецензия. Это – донос. Я не шучу – донос чистой воды.
– Да? И что теперь?
– Теперь... Теперь, будем считать, – другое время. Раньше после этой рецензии за тобой бы просто пришли.

То есть это – отказ. Ни «Юность», ни «Совпис» печатать «Бригантину» не будут. Толя воспринимает это со всем пылом юношеского максимализма ее героя – как жестокий коварный удар – слиш-

ком эмоционально и всерьез. До того, что решает: в литературе ему делать нечего. По крайней мере, в ближайшее время. А значит, и в Литинституте. Где, как ему кажется, не умеют учить. Обычный детский взбрык: вы ко мне задом? И я к вам – задом. Еще увидите, кем я стану! А пока пойду в матросы (как потом Георгий Владимов).

– Ну их к черту! – говорит он. – Уйду в плавание. Тянет в дальние страны...

К тому времени он переходит из семинара Березко в семинар Валерии Герасимовой – в 30-х редактора журнала «Смена» – и сдает экстерном экзамены за четвертый курс. Впереди пятый. Зачетка полна пятерок. И диплом не надо защищать – у него вышла повесть в центральном журнале – а это гарантированный «отл.». Тут он опередил Евтушенко и Рождественского. Те хоть уже печатались, но крупных публикаций еще не имели. Словом: малое усилие, и – диплом.

Но он решает: все. Говорите: надо изучать жизнь? Буду изучать. И едет в Вильнюс. Там на видной должности в рыбной отрасли служит Машин дядя Илья Моисеевич – бывший подпольщик. Они знакомы, и Толя думает: вот придет он к Илье, скажет: хочу повариться в трудовом котле, вдоволь поблеть на соленой палубе, а тот посадит его на сейнер: вперед, варись! «Может, и за границу попаду, – думает Толя, – увижу Плимут и Марсель. Ходят же туда моряки. Это ж интересно. И деньги опять же...»

А так у Маши и у него – стипендия 40 рублей. От «Хроники» и аванса в «Советском писателе» ничего не осталось. А выступления по клубам – не жизнь.

Илья Моисеевич согласен, но говорит: «Возьми в институте характеристику. Она нужна для трудоустройства».

Толя идет к комсorghу.

– Куда? – спрашивают.

– Ухожу из института. Иду матросом в плавань. Изучать жизнь.

– Лады, дадим.

И дают. Настоящий «волчий билет». Жаль, он не сохранился. Такие бумаги хорошо говорят об эпохе и людях. «Политически неактивен, увивал от общественной работы, высказывал сомнительные идеи...» – тут и грузчиком не возьмут. Не то что за границу. Читая, Илья Моисеевич смеется: «И за что они тебя так любят?»

А Толя бродит по Вильнюсу, скользая взглядом по красотам, и надеется: может, все же на сейнер какой заваливший впихнут? Он же обещал Маше заработать денег и узнать жизнь. А сам ночует у ее родных и шляется без дела. А дальше-то – что?

* Мороз Э.С. – сотрудник издательства «Советский писатель», критик. В рецензии на «Колымские рассказы» Варлама Шаламова она писала: «Рукопись "Колымских рассказов"... производит сильное впечатление. Более того – ужасающее... Автор рассказывает очень подробно о жизни в лагерях, о тех бесконечных страданиях и унижениях, которые перенесли там люди... Рассказано все это очень достоверно, так, как может рассказать только человек, вынесший это на своих плечах».

Но – соглашусь с Кабаковым – удача литературная. В ней Гладилин проверяет свою гипотезу об уникальной мелодии, делающей текст и его успех. Он находит верный язык и тон общения с читателем. Так говорят с друзьями о том, что важно. И им, и тебе. Автор играет свою мелодию любви и осени, созвучную тысячам других личных мелодий.

Большей частью – не записанных, не сыгранных и не спетых. Но не менее живых. В его очень личной и очень ясной ноте звучит искренность, которой ждут непривычные к ней сверстники. Они устали от маршей. А им предложили балладу. Историю, так схожую с их собственной. Сдержанно, эмоционально, умно и просто.

Это тот прекрасный и радостный случай – встреча таланта с удачей. Причем не в момент согласия Озеровой принять рукопись. И не в минуту решения Катаева ее печатать. Хотя и они важны. Встреча дара и удачи происходит в миг, когда в Гладилине, шагающем по бульвару, начинает звучать, заданный ритмом шагов, текст. И уже не уходит.

Это сродни тому, как Аксенов, сочиняя «Коллег» и «Звездный билет», записывает звучащую в нем джазовую мелодию. И чуткий читатель ловит в тексте звучание разных инструментов. И вместе играющих тему. И импровизирующих.

А Гладилин записывает ритм шагов и сердца. Он, если надо, может гроыхать маршем и сиять медью военных оркестров. И петь концертом скрипок и гобоев. И трелью клавиш. И барабанной дробью. И гитарой. Словом: тем, что звучит в душе.

В дни «Хроники» это – надежды маленький оркестрик. Хотя песни этой Толя не знает – их дружба с Булатом впереди. Кстати, и тот, бывает, пишет марши...

Так возникает то, про что можно сказать: творческий метод Гладилина – писание на ходу в ритме шагов. Зря, что ли, он изнашивает столько башмаков?

Ну а те, что промокли на бульваре по пути домой? Они высохли. Толя их чистит. Так, что трещины не видны. И носит несколько месяцев. А потом покупает новые. На гонорар за «Хронику».

